

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ОКТАБРЬ 1917 — МОМЕНТ ИСТИНЫ РУССКОЙ СМУТОРЕВОЛЮЦИИ

I

В этом году исполняется сто лет центральному событию не только XX в., но и всей современной (Modern) истории — Великой Октябрьской социалистической революции, ставшей прологом небывалого эксперимента в истории человечества — строительства общества социальной справедливости. Экспериментальной площадкой стала Россия, причём не сразу, а с приключениями. Первое послереволюционное десятилетие ушло на борьбу тех, кто выражал суть и интересы Большой системы “Россия” и понимал невозможность на тот момент создания мирового сообщества социальной справедливости путём мировой революции (на этом пути Россию и русских ждал бы крах), со смертельно опасным противником, как раз к мировой революции и стремившимся. Борьба завершилась победой строителей социализма “в одной, отдельно взятой стране”. От мир-революционеров остался праздник Первого дня мировой революции — так с 1918 г. в течение 18 лет именовалось 7 ноября. В 1936 г. одновременно с появлением термина “советский патриотизм” это название исчезло, со временем его заменило “День Великой Октябрьской социалистической революции”.

Впрочем, в октябре 1917 г. до социализма и величия было далеко, это была лишь перспектива, потенция, не имевшая стопроцентной гарантии осуществления. Не случайно до 1927 г. большевики говорили об “Октябрьском перевороте”. Собственно, это и был переворот. И большевистское правительство до разгона Учредилки было Временным. Однако, в отличие от “временных” Керенского и К^о, оно не было правительством политических импотентов и раздолбаев, оно кашу заварило вполне серьёзно. Не случись Октябрь 1917-го, и тогда август 1991 г., и то, что за ним последовало, произошли бы уже в 1917 г. и вслед за ним. Однако февральский заговор российского капитала и его британских кураторов против русской истории провалился. Провалился и другой, ещё более масштабный заговор или, если угодно, проект (любой заговор — это проект, а если проект тайный, то это заговор — но только не в примитивном, вульгарно-конспирологическом смысле слова) банкиров Уолл-стрит и интернационал-социалистов типа Троцкого и К^о, прошедших

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, член Союза писателей России.

школу Парвуса. На руинах провала, финальной точкой которого стало 7 ноября 1927 г. (попытка троцкистского путча в трёх городах СССР), была построена Красная империя, она же – СССР, она же – мировая социалистическая система.

Ей предстояло просуществовать не 74 года (1917–1991), а если считать всерьёз – 52 года (1927–1989), от победы Сталина над Троцким и Бухариным в 1927 г. до сдачи Горбачёвым соцлагеря и СССР Бушу-старшему и папе римскому в декабре 1989 г. 52 года по меркам XX века – это весьма и весьма немало. За это время СССР успел из аграрно-индустриальной страны, пятой в мире и имеющей весьма блёклые перспективы, не только превратиться в военно-промышленную сверхдержаву № 2, но и в 1950–1960-е годы стать лидером во многих прорывных областях научно-технического прогресса, обгоняя США на десятилетия. В канун 50-летия Октября даже на Западе многие спорили не о том, перегонит ли СССР США, а о том, когда это произойдёт, полагая, что не позднее первой половины 1970-х годов. Вышло иначе. Прошло полвека, и мы встречаем столетие Октября не в социалистическом СССР, догнавшем и обогнавшем США, а в квазикапиталистической РФ, финансово зависимой от тех же США, де-факто выплачивающей им дань как Западной Орде, обеспечивающей Запад сырьём и только последние несколько лет пытающейся вспомнить о былом величии. Правда, как это сочетается, например, с объявлением на английском станций в метрополитене, отправления поездов на вокзалах и вкраплениями латинских букв в русских названиях (“ЖАРА”, “ФАРШ” и т. д.), это что – подготовка населения к жизни в условиях колонии? Ни в парижском, ни в венском, ни в мадридском метро никто ничего по-английски не объявляет.

Праздника 7 ноября нет – буржуины и плохиши отменили его в страхе перед мальчишами-кибальчишами и их военной тайной. Вместо победительного праздника – невнятный День народного единства. Кого с кем? Народа с буржуинами? Тех, кого обокрали, с обокравшими? Народным праздником было именно 7 ноября – этот день открыл новую эпоху, то был путь в будущее.

Я хорошо помню празднование 50-летия Октября. Мне было 16 лет; я учился в 10-м классе; закончилось последнее лето детства (почти три месяца футбола). К подготовке к поступлению в институт я ещё даже не приступал – типичное наше разгильдяйство. Жизнь была наполнена футболом (тут огорчение – 9-е место ЦСКА, “подслащенное” за неделю до “октябрьского” праздника победой нашей сборной над греками со счётом 1:0), хоккеем (а тут радость: ЦСКА явно лидировал с перспективой возвращения на пьедестал, в команде заблестала тогда ещё не великая, но лихая тройка Михайлов–Петров–Харламов; великим был тогда и остаётся сегодня Анатолий Фирсов, № 11 с его фантастическим финтом “клюшка-конёк-клюшка” и мощнейшим щелчком), книгами и разнообразными шкодами.

Мне и в голову не могло прийти (да что мне, взрослым тоже), что уже запущен механизм разрушения системы и страны, в которой я родился; Аннушка ещё не разлила масло, но уже купила: в июне 1967 г. на пленуме ЦК КПСС партноменклатура заблокировала путь советского общества в будущее – превращение системного антикапитализма в посткапитализм, т. е. в коммунистическое общество официальных партийных программ. Номенклатура, естественно, не отдавала себе в этом отчёта; не собиралась она гробить коммунизм, она просто решала свои шкурные проблемы превращения в квазикласс, а для этого нужно было остановить, **озастроить** развитие СССР на фазе антикапитализма. Тем самым, однако, партноменклатура вступала на путь контрреволюции, **деоктябризации** советской истории: а “в конце дороги той” – горбачёвщина и ельцинщина. Ясно, что этого не хотели и хотели не этого, но “коротенькие мысли” и групповой эгоизм привели именно туда, куда привели. Желая спокойной жизни, номенклатура была готова замириться с Западом (“мирное сосуществование систем с различным социально-экономическим строем”).

Как скажет в своё время Андропов, пусть империалисты не боятся: если они нас не тронут, то и мы их не тронем. Нет, робкий недальновидный дружок, всё не так. Во-первых, империалисты должны бояться, в этом и только в этом гарантия, что не тронут. Во-вторых, во фразе Андропова сквозит непонимание сути того, что такое империализм с его экспансионизмом вообще и та новая агрессивно-экспансионистская глобалистская форма, в которую он

превращался в конце 1960-х–1970-е годы, в частности. И это превращение тоже работало на то, чтобы привести СССР туда, куда вместе с западными кураторами-поделщиками привели страну и систему выросшие в победившем в 1967 г. застойно-номенклатурном социализме и воспитанные им бездарные, ограниченно-малокультурные и трусливые карьеристы – все эти горбачёвы-бакатины-шеварднадзе-ельцины и прочие. Но в год 50-летия Октября о таком не зналось, не представлялось и не думалось. Впереди виделось светлое будущее: новые успехи, освоение космоса, победы над болезнями.

И была абсолютная уверенность в будущем, основа которой – мощь родной страны и история её побед. То есть то, чего нынешнему поколению шестнадцатилетних так не хватает, – потому-то и тянутся они к великому советскому прошлому, к фигуре Сталина. Показательно, что если со знаком “плюс” к Сталину относятся 62% граждан РФ, то в возрастной когорте 18–24 года – 77%. И это несмотря на почти три десятилетия плёвывания советского прошлого с его достижениями и Сталина. В этом плане можно опять же вспомнить: бились буржуины, бились, да только сами разбились. Даже мёртвый СССР и его вождь оказываются слишком твёрдым орехом для гнилозубов Запада и Востока, а их злоба оказывается бессильной, демонстрируя интеллектуальную, историческую и даже классовую несостоятельность. Это даже не бесы, а так, бесенята с насморком, из неудавшихся, как сказал бы Достоевский. Что не извбавляет от необходимости давать этой публике достойный отпор по законам военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе.

100-летие Октября, конечно же, станет поводом для очередного наката врагов России и на революцию, и на советское прошлое. В то же время это удобный момент поразмышлять и об Октябре, и о русской революции 1917–1921 гг., и о Большой русской/советской революции 1917–1939 гг., и о смуто-революции 1860–1920-х годов, и о Больших Играх мировых элит, в которые русская революция оказалась вписана и которые она во многом поломала. Октябрь 1917 г. – это Момент Истины, сердцевина смутореволюционного кризиса-матрёшки, который Россия переживала в течение семи с половиной десятков лет, в какой-то момент бухнулась в кипящий котёл Истории (мировая война, революция, гражданская война), но не сварилась в нём, а вынырнула “добрым молодцем СССР”. И начнём мы наши размышления с термина, со слова “революция”, ибо в начале было слово, и это слово в начале советской истории было “революция”.

II

Термин “революция”, которым мы пользуемся, сам претерпел революционные изменения. Впервые он появился для характеристики так называемой “славной революции” в Англии 1688 г. Те, кто употребил этот термин, имели в виду возвращение ситуации в Англии “на круги своя”, т. е. поворот на 360°. После событий Французской революции 1789–1799 гг. (которую, кстати, сами французы “великой” не называют) содержание термина “революция” принципиально изменилось: под революцией стали понимать не возвращение к некоему состоянию, а качественное, кардинально-безвозвратное по отношению к прошлому изменение – поворот на 180°.

В обоих употреблении термина – назовём их условно “английским” и “французским” – есть известная доля лукавства. Революция 1688 г. – единственная стопроцентно буржуазная революция, т. е. такая, которая делалась буржуазией для буржуазии. Подоплёка событий 1688 г. проста: две Ост-Индские компании, английская и голландская, решили произвести частичное слияние, а для этого нужна была адекватная политическая “крыша”. Католик Яков II Стюарт такой “крышей” быть не мог, и его свергли. В Англии появилась новая династия – Оранская, протестантская и голландская по происхождению.

“Славная революция” устранила практически все барьеры на пути финансово-землевладельческой верхушки, стремившейся получить неограниченный частнособственнический, т. е. капиталистический контроль над землёй и денежным обращением, завершился процесс, стартовавший в XVI в.; по сути, феодальный строй поземельных отношений был уничтожен законодательно, место феодального права заняло право частной собственности. Таким образом, при внешнем повороте на 360° “славная революция” была разрывом

с прошлым, причём таким, который обернулся кошмаром для огромной части английского населения и плодом которого стала “недобрая старая Англия” XVIII в.

Что касается Французской революции 1789–1799 гг., то, будучи разрывом с тем, что позднее определили как “Старый порядок”, она после окончания действия за пределами Франции своего “экспортного варианта” – наполеоновских войн – в самой Франции воспроизвела многие черты “Старого порядка”. Да и французские крестьяне в результате революции не проиграли, как английские, а, напротив, выиграли. Чтобы провести раскрестьянивание (и то не до конца получилось), понадобилось то, что французские социологи называли “второй французской революцией” 1945–1985 гг. Таким образом, и “180-градусная” Французская революция имеет некоторые черты “360-градусных” изменений. Тем не менее именно со времён Французской революции этот термин обозначает качественное изменение социально-экономического строя, отмеченное приходом к власти нового класса. Иногда говорят о “политической революции”, когда к власти приходят лишь новые лица или новые группы одного и того же класса, в то время как структура власти и собственности остаётся прежней. В данном употреблении революция – не более чем метафора, на самом деле перед нами либо обычный политический переворот, либо перераспределение политической власти между фракциями одного класса – буржуазии. Поэтому, например, не является революцией так называемая “американская революция” 1776–1783 гг. Это было выяснение отношений между двумя группировками одного класса, причём не американского и британского, а сложнее – двух британско-американских кластеров интересов (достаточно вспомнить, что на стороне американцев был Сити). Конечно же, не являясь революциями так называемые “цветные революции”.

Французская революция открыла собой “эпоху революций” (Э. Хобсбаум) 1789–1848 гг., которые можно назвать в равной степени и буржуазными, и масонскими (промышленная эпоха в Европе с 1860–1870-х годов; борьба за гегемонию в мировой капсистеме 1870–1945 гг.; подъём финансового капитала, оформление колониальных империй). Именно масоны в своих ложах весь XVIII в. готовили тот человеческий материал, определённое поколение которого стало “генералами” и “офицерами” социальных потрясений; именно масоны и иллюминаты сформулировали буржуазные требования; именно под масонскими триколорами побеждали европейские революции первой половины XIX в. К середине XIX в. в результате победы этих революций произошло огосударствление масонства, на чём восходящая история этого типа закрытых наднациональных структур завершилась, и новому этапу развития капитализма понадобились принципиально новые структуры этого типа, более современные. Что касается североатлантического ядра мировой капсистемы, то в нём 1848 годом буржуазные революции по сути закончились, а пролетарские (Парижская коммуна 1871 г., революции 1918 г. в Центральной Европе) оказались abortивными.

Революции XX века – это, во-первых, либо крестьянские революции, либо реакции ломающихся докапиталистических структур на капитализм, либо политическая борьба, которую вульгарно-марксистская или либеральная мысль за неимением адекватного понимания и адекватных терминов заярлычила как буржуазную. В результате буржуазными оказались иранская революция 1905–1911 гг., младотурецкая 1908–1911 гг., Синхайская 1911–1912 гг. – революции в странах, где буржуазии как системообразующего элемента социума, как субъекта не было. Возможны ли буржуазные по содержанию революции без буржуазии? При утвердительном ответе мы получили нечто вроде “хлопка одной ладонью” в чань-буддизме. Но мы ведь не чань-буддисты.

Суть периферийных революций капиталистической системы, во главе которых стояли традиционные торговые или землевладельческие группы (не капиталисты; показательно, что в периферийной стране капсистемы с наиболее развитым капиталистическим укладом – Индии – никакой революции вообще не произошло), заключалась лишь в изменении сделочной позиции этих групп по отношению к буржуазии метрополии, в изменении – от более подчинённой к менее подчинённой – формы включения в мировую капиталистическую эксплуатацию. Напоминаю также, что Маркс в полном соответствии с методологическими принципами системности и историзма подчёркивал, что собственник превращается в буржуа только тогда, когда капиталистический

уклад становится доминирующим в данной стране и подчиняет своим законам данное общество изнутри. Этого не было ни в одной периферийной стране капсистемы вплоть до середины XX в. Более того, капитал метрополии тормозил там развитие капиталистических отношений, и только две мировые войны заставили его ослабить эту “тормозящую хватку”. Я оставляю в стороне вопрос функциональной буржуазности, в данном случае мы можем от него абстрагироваться.

Иначе обстоит дело с периферийными крестьянскими революциями под социалистическими лозунгами: китайской, вьетнамской, отчасти кубинской и рядом других. В результате этих революций возникли антикапиталистические режимы разной степени радикальности. Правда, здесь необходимо заметить и подчеркнуть: все социалистические периферийные революции, отрицавшие одновременно и старые докапиталистические формы, и местные компрадорские формы, и капитал метрополии, произошли, во-первых, после социалистической революции в России и возникновения СССР; во-вторых, при более или менее серьёзной и активной помощи со стороны СССР. Эти два фактора были необходимыми условиями социалистических революций. Повторю: наличие СССР, т. е. системного антикапитализма в форме великой державы как продукта Октябрьской революции, Гражданской войны и победы импер-социалистов над интернационал-социалистами ленинско-троцкистского типа, было необходимым условием социалистических революций на периферии капиталистической системы. При этом, однако, Октябрьская революция не была ни буржуазной (хотя Ленин в самом начале 1920-х годов скажет, что была — и, конечно же, ошибётся, как и с определением советского госсектора в качестве госкапитализма, на что ему тут же разгромно-критически укажет Бухарин), ни крестьянской, хотя крестьянская составляющая в ней была, но весьма специфичная: крестьяне выбрали большевиков как наименьшее зло.

Октябрьская революция уникальна: это единственная городская революция, происшедшая в великой державе (не в колонии, не в полукolonии) с бурно развивавшейся промышленностью, с довольно развитой буржуазией и довольно плотным включением в мировую капсистему. И революция эта была не буржуазной, а антикапиталистической, социалистической, что в корне отличает её от буржуазных революций ядра капсистемы и всех периферийных революций капиталистической эпохи — квазибуржуазных и социалистических.

Буржуазия в России с помощью британского капитала Февральским переворотом 1917 г. попыталась совершить буржуазную революцию. Чем это закончилось, мы знаем: февральисты, российский капитал, дорвавшийся до власти, в считанные месяцы разрушили страну, поставив её на грань распада. Большевики взяли власть, победили в Гражданской войне и создали СССР. А затем импер-социалисты во главе со Сталиным отказались от проекта “мировая революция”, оттеснили интернационал-социалистов и начали строить “социализм в одной, отдельно взятой стране”, Красную империю, которая выиграла Вторую мировую войну и по результатам этой победы стала сверхдержавой.

Что обусловило особенность русской антикапиталистической революции в плане причин, протекания и результатов? Что обусловило уникальность этой революции, ставшей реализацией левого (якобинского) проекта Модерна на русской почве и обусловившей превращение исторической России в альтернативную капитализму мировую систему — системный антикапитализм? Как соотносится созданный революцией вопреки планам и чаяниям части революционеров-интернационалистов (Троцкий, Ленин, Зиновьев, Каменев и др.) строй с самодержавием, историческим отрицанием которого он был? Попытаемся ответить на эти вопросы. Начнём с того, что сама возможность антикапитализма как системы заложена в капитализме как системе.

III

Прежде чем читатель начнёт читать данную главу, я хочу попросить его собраться и сосредоточиться: эти несколько страниц — не самое лёгкое чтение. Однако только философский анализ капитала, несомпадения в нём функции и субстанции позволяет объяснить закономерность возникновения советской системы не только по логике русской истории, но и по логике самого капитализма.

Как русская история предполагает появление в определённый момент системы с властью без собственности (на вещественные факторы производства), так и в капитализме заложена возможность, а под определённым углом зрения и необходимость возникновения системного антикапитализма. Объяснить последнее можно только в терминах субстанции и функции. Впрочем, здесь нет ничего такого сверхсложного, чего бы не мог понять человек с десятью классами школы (желательно советской) при одном условии – медленном, внимательном и заинтересованном чтении. За мной, читатель.

Капитализм – уникальная система во многих отношениях. Но, пожалуй, главная уникальность заключается в том, что это единственная в истории система, способная существовать и со знаком “плюс” – собственно капитализм, и со знаком “минус” – системный антикапитализм. Связано это с такой чертой данной системы, как сильное несовпадение субстанции и функции капитала, которое позволяет функции отрываться от субстанции и осуществлять самостоятельное развитие в виде негатива, отрицания капитала-субстанции. Поясню.

У каждой общественной системы есть её социальное “тело”, субстанция, обладающая некими атрибутами, функциями. Чем примитивнее социальная система, чем больше общество зависит от природы, чем больше природные факторы, силы производства (не путать с географическим фактором) господствуют над искусственными, а живой труд – над овеществлённым, как это имеет место в “докапиталистических” обществах, тем более простыми и менее острыми являются эти противоречия, тем больше функция “утоплена” в субстанции, тем меньше её автономия. Практически ни в одной из докапиталистических систем их функции не могут существовать вне субстанции и за пределами зоны её жизнедеятельности, границы которой обусловлены локальным комплексом природных производительных сил. Принципиальная ситуация характеризует капитализм, поскольку в этой системе искусственно созданные производительные силы господствуют над природными, овеществлённый труд – над живым, а в самом продукте труда – искусственный субстрат господствует над природным. Всё это создаёт условия для автономии, освобождения функции от субстанции, выхода её за локальные рамки и приобретения мирового характера.

Субстанция – это прежде всего материальное производство в узком смысле слова (действительный процесс производства), те отношения, которые возникают непосредственно внутри него или непосредственно по его поводу, например, в ходе распределения факторов производства (собственность).

Функция (или функции) – это те отношения, которые складываются не внутри субстанции, а главным образом вне её и опосредованно. Так, они могут опосредовать распределение факторов производства, т. е. отношения по поводу субстанции, выступая их более или менее активным атрибутом. И чем сложнее, многосоставнее и развитее субстанция, тем больше функций, тем больше и очевиднее несовпадения с ней, тем они автономнее; функции – это управление (“государство”), регуляция социального поведения (“политика”, включая политические партии), коммуникации; у функций – свои структуры и формы организации, как и у субстанции. Чем сложнее и развитее социальная система, тем менее абсолютна и непроходима грань между её субстанциональными и функциональными аспектами. Особенно это проявляется в сфере производственных отношений.

Так, производственные отношения – это в принципе отношения по поводу субстанции, они носят субстанциальный характер и представляют субстанциальный аспект социальной системы. Однако в капиталистической системе, т. е. такой, в которой системообразующим элементом является капитал, накопленный общественный труд, ситуация меняется.

Капиталистическая собственность не сводится только к капиталу (как заметил В. В. Крылов, лишь в действительном процессе труда как главной фазе совокупного процесса производства капиталу как производительному принадлежат непосредственно все прочие факторы труда; вне действительного процесса производства у последних свои собственники – наёмные работники, землевладельцы, государство, корпорации интеллектуалов) и оказывается шире его, но развивается по его законам, выступает его функцией и в качестве таковой может противостоять субстанции. Более того, в результате сложности и специфики субстанциальной природы капитала (овеществлённый труд) сам

капитал как отношение приобретает значительное и сильное функциональное измерение, легко превращаясь там, где ему не противостоит наёмный труд, т. е. за пределами ядра капсистемы, по функции в некапитал (просто богатство), оставаясь в самом ядре капиталом по субстанции.

Иными словами, при капитализме, в нём самом производственные отношения утрачивают исключительно субстанциальный характер и приобретают функциональный – что до капитализма могло быть только краткосрочной аномалией, обусловленной особыми и не способными существовать длительное время историческими обстоятельствами. При капитализме противоречие между субстанцией и функцией становится ещё и внутренним для самих производственных отношений, т. е. довольно подвижным и гибким. В связи с этим производственные отношения капиталистического типа приобретают способность действовать за пределами зон “своего” капиталистического производства, а капиталистическая собственность – за пределами зон концентрации капитала как собственности. Результат – борьба, причём весьма острая, против капиталистической собственности, антикапитализм там, где капитал-субстанция, капитал-субстанция практически не развиты.

Необходимо отметить, что противоречие между социальными субстанцией и функцией (а также содержанием и формой) достигает максимальной остроты именно при капитализме, когда экономические отношения становятся системообразующими производственными, когда социальное насилие содержательно обособляется от сферы производственных отношений и возникают формы, регулирующие (в)неэкономические отношения индивидов и групп: государство (state) и политика. Кроме того, при капитализме функционально (но только функционально) снимается противоречие между отношениями производства и обмена – эксплуатация осуществляется как добровольный (по крайней мере, в ядре) обмен рабочей силы на овеществлённый труд (“капитал”).

Функциональные качества производственных отношений при капитализме существенным образом отличают эту систему от “докапиталистических”. Производственные отношения рабовладельческого или феодального обществ, представляющие собой отчуждение воли трудящегося, т. е. превращение его полностью или частично в “говорящее орудие”, в некую природную субстанцию, несут на себе большой субстанциальный отпечаток. Они сконструированы так и для того, чтобы функцию превращать в субстанцию, чтобы натурализовать общественные отношения по поводу присвоения природных факторов производства (земля, тело человека), которые здесь являются главными, системообразующими. В этом смысле “докапиталистические” общества (и чем древнее, тем в большей степени) “сконструированы” и действуют так, чтобы свести к минимуму какую-либо функцию, кроме той, что растворена в субстанции, погружена в неё и если и “выныривает” из неё, то редко, невысоко и ненадолго; эти общества – триумф субстанциальности (природно-производственной).

Функции, функциональные аспекты ни одной из докапиталистических систем, как уже говорилось, не могут существовать за её пределами, поскольку жёстко привязаны к данному комплексу и типу натуральных производительных сил и обусловленному ими типу отчуждения воли (личности) и экономического продукта. Функционализация производственных отношений здесь практически отсутствует. В отличие от этого для капитализма, причём уже на ранней стадии, довольно характерен определённый уровень функционализации производственных отношений. Это – его начало. Логическим концом капитализма должна быть (и может быть) только стремящаяся к полноте функционализация производительных сил, что мы и видим в гипериндустриальной системе производства с господством в ней невещественных (информационных) факторов над вещественными. Это соответствует функционализации как макрозакона развития производительных сил капитализма.

Конкретно противоречие между субстанцией и функцией капитала, их несовпадение проявляется двояко. Во-первых, в уже отмеченном региональном (в течение почти двух веков) характере производительных сил и мировом характере производственных отношений. Речь идёт о капиталистической функционализации мира, или о мировой функционализации капитала, капитализма как совокупного процесса общественного производства – в результате многие докапиталистические общества начинают страдать от проблем капитализма

больше, чем субстанциально капиталистические общества (Маркс: “язычник, чахнувший от язв христианства”). Во-вторых, что не менее важно, указанное противоречие проявляется (в ходе и по мере капиталистической функционализации мира по линии производственных отношений) в возможности автономного существования функций капитала – государства, политики, бюрократии (не путать с чиновничеством), армии современного типа, науки как социального института буржуазного общества – за региональными (североатлантическими в XVIII – первой половине XX в.) пределами зоны субстанции.

Перенос капитала-субстанции на некапиталистическую почву – процесс исключительно трудный, сложный, а часто просто невозможный. Не случайно при подобном раскладе капитал либо вырождается в богатство, либо превращается в тот или иной докапиталистический уклад (рабство в южной части США и в Карибском бассейне, квазифеодальные латифундии в Южной Америке). К тому же вплоть до Первой мировой войны хозяева ядра капсистемы не горели желанием развивать капиталистическое производство на периферии, т. е. субстанциализировать её на капиталистический лад.

Значительно проще в условиях включения того или иного общества в мировой рынок, в мировую систему капиталистической собственности перенести туда функции капитала. Происходило это двояко. Первый вариант: в колониях сами колонизаторы создавали бюрократические структуры, формы военной организации, образовательные и научные учреждения; к тому же местная элита, как колониальная, так и антиколониально настроенная, начинала воспроизводить политические и интеллектуальные (идеологические) формы, характерные для метрополии, для зоны капитала-субстанции. Второй вариант: в свободных, сохранивших суверенитет или добившихся его социумах Евразии и Африки (с конца XVIII в. – в США, с 1830-х годов – в Южной Америке) их господствующие группы воспроизводили у себя структуры, организации и формы, подобные таковым капиталистического ядра, Запада, зоны капитала-субстанции – прежде всего для сопротивления этой зоне, её экспансии.

В XVIII и особенно в XIX в. мы видим немало реформ, которые именуют вестернизаторскими или, шире, модернизаторскими. Однако только в одной стране – в России – они привели к практическому успеху: сохранению суверенитета и созданию альтернативной капиталистическому Западу же европейской версии Модерна. О причинах – чуть позже, прежде констатируем, что при капитализме, в капиталистической системе мы имеем максимальное несовпадение, противоречие между субстанцией и функцией капитала и – соответственно – структур и групп, воплощающих их в социальной реальности. При капитализме (и только при капитализме) принципиально возможно отрицание субстанции капитала посредством и на основе его же функции – вплоть до полного отрыва. Более того, тотальное, полномасштабное отрицание капитала и капитализма было возможно только на функциональной основе и как функциональное; субстанциональное отрицание всегда было частичным, непоследовательным и компромиссным. “Оторвавшаяся”, “взбесившаяся” функция, уничтожающая субстанцию, – это, забегая вперёд, и есть то, что в XX в. называли коммунизмом как системой (реальным социализмом, системным антикапитализмом).

Противоречия между капиталом-субстанцией и его функциями проявляются в различных сферах в виде конкретного соотношения этих сущностей и стоящих за ними страстей, точнее, выражающих их явлений – гражданского общества (т. е. прежде всего общества собственников, их организаций) и государства. Наиболее отчётливо это проявляется в политике, в политической организации общества. Внутри капсистемы возможны (и существуют) три теоретические модели соотношения, о котором идёт речь. Господство субстанции над функцией политически реализуется как господство гражданского общества над государством, чаще всего слабоинституционализированным (Великобритания, Нидерланды, США). Следующая форма – политическое равновесие между персонификаторами функции и субстанции, большее или меньшее господство государства над гражданским обществом, но только в сфере политики, это не касается идеологии и экономики. Это – авторитаризм, первой исторической моделью которого был бонапартизм – “попытка создать гражданское общество без демократии” (Ф. Фехер). Здесь имеет место относительное равновесие между явлениями, воплощающими субстанцию и функцию капитала; равновесие хрупкое, а потому эта форма крайне нестабильна

и превращается либо в “демократию”, либо в “тоталитаризм” (речь, подчёркиваю, идёт о формальных политических характеристиках; на самом деле никаких “западных демократий” нет, а есть плутократии с их “железной пятой”; что касается авторитарных и тоталитарных режимов, то они порой более демократичны, чем “англосаксонские демократии”).

Тоталитаризм — это уже практически полное господство функции над субстанцией (естественно, при сохранении последней как таковой), выражающееся в жёстком ограничении государством воли гражданского общества полностью в политике и идеологии (целеполагание, смыслы, поведение), а отчасти и в экономике. Граница между государством и гражданским обществом в этом случае становится пунктирной, но сохраняется, гарантом чего является сохранение частной собственности и связанного с её обеспечением права. Единственный — подчёркиваю: единственный реальный и значимый пример тоталитаризма в истории — это Третий рейх. Ни муссолиниевская Италия, ни тем более Испания Франко и Португалия Салазара в этот разряд не попадают.

Отличаясь друг от друга, три модели — “демократическая”, “авторитарная” и “тоталитарная” — остаются в рамках капитализма с его базовым противоречием капитал-субстанции и капитал-функции.

Принципиально иная ситуация возникает тогда, когда функция капитала не просто доминирует над субстанцией, а отрывается от неё, реализуя заложенную возможность, и уничтожает, пожирает субстанцию, занимая её место и превращаясь в неё — субстанциализация функции, но не на позитивно-докапиталистической основе, а на негативно-капиталистической. Этот процесс выводит ситуацию за пределы капиталистической системы, не положительно, а по негативу. Прежнее противоречие между субстанцией и функцией здесь исчезает, поскольку в ходе отрицания уничтожается капитал, т. е. сущностная основа, порождающая противоречие и две его стороны, два его края.

Ясно, что общество, возникающее в ходе подобного процесса, это во многом негативный слепок капитализма, и его будущее зависит от того, сумеет ли “анти-” превратиться в “пост-”. Результатом отрыва функции от субстанции и обретения ею как сущностью, явлением и процессом особого системного бытия стала советская система, возникшая в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, иначе говоря, русской смуты начала XX в., возникшая революционным путём в ходе русской истории, эволюции России.

Но почему именно Россия реализовала не реализованный Западом заложенный в капитализме в качестве потенции левый (якобинский) проект Модерна? Почему именно на русской почве “заземлился”, материализовался, отсистемился отрыв функции капитала от его субстанции? Ответ на этот вопрос, без которого природа русской революции октября 1917 г. и того, что за ней последовало, будет непонятна, требует бросить “взгляд с высоты” (А. Азимов) на развитие русского общества в последние полтысячелетия.

IV

Зададимся вопросом: какая страна в принципе могла реализовать антикапиталистический вариант развития, оторвав у капитала функцию и направив её против субстанции? Какая страна могла защитить антикапиталистический выбор в мире, где господствуют капиталистические хищники? Каковы параметры и качества, которыми должна обладать такая страна? Понятно, что, во-первых, это должна быть крупная страна с мощным демографическим, природно-ресурсным и экономическим потенциалом и вдобавок большой территорией. Во-вторых, такая страна должна была бы обладать духовно-идеологической (религиозной, идеологической) системой, способной выдержать давление капиталистического Запада и в то же время не мешать социально-экономическому развитию современного типа. В-третьих, такая страна должна была обладать сравнимым с капиталистическим Западом военно-техническим потенциалом.

Всеми этими качествами в мире в эпоху капитализма (т. е. начиная с XVII в.) обладала только одна страна — Россия. Однако все эти условия, будучи необходимыми, не являются достаточными. Достаточные условия обеспечиваются, во-первых, логикой развития той или иной системы, которая подводит её к выбору некоего варианта развития, оставляя совсем немного шансов для иных вариантов; во-вторых, наличием субъекта (или субъектов), способного (способных) осуществить некий системный выбор, превратить

события в ситуацию; в-третьих, возникновением определённых условий в самой системе и вокруг неё (как правило, это кризис, усиливающий внешнюю уязвимость системы и усиливающий колебательно-хаотические движения внутри неё). Рассмотрим эти три комплекса условий. Начнём с логики развития России как системы с XVI в., т. е. с первой крупной структуры русской истории – Московского царства, проанализируем это развитие с точки зрения двух главных параметров – власти (и созданных ею господствующих групп) и собственности и постараемся выявить логику, отсутствие которой пытаются доказать в последние годы определённая часть западного, прежде всего англо-американского (англосаксонского) научного истеблишмента и разведывательно-политического сообщества, т. е. здесь мы не только оказываемся в зоне науки, но и вступаем на территорию и тропу психоисторической войны.

В самом начале XXI в. в США под руководством К. Литара стартовал проект GDELT. Сначала это был чисто научный проект, над которым работали историки, лингвисты и математики. Однако в какой-то момент им заинтересовалось разведсообщество США (и с 2013 г. аналитические публикации проекта исчезли из открытой научной печати и даже интернета), поскольку речь в проекте шла об оцифровке всех исторически подтверждённых фактов истории крупнейших стран мира: США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, России, Китая, Японии*. Оцифрованные “большие данные” были обработаны британско-американской сетью суперкомпьютеров. Согласно выводам, история России (брался период с 1800 по 2000 гг.) существенно отличается от истории всех других крупных стран следующим. Если все крупные страны укладываются в некий коридор событийных вероятностей, то история России лежит вне его. Иными словами, её история носит невероятный, т. е. случайностный характер.

Трудно сказать, имеем ли мы в данном случае дело с сознательным представлением истории России таким образом, что она оказывается противопоставленной всем ключевым странам мира в качестве “исторического изгоя”, обитающего в зоне случая, невероятности и непредсказуемости, или же со спецификой заложенной программы, исходно взявшей в качестве нормы определённые параметры – как известно, постановка вопроса на 50% определяет ответ. В любом случае выводы проекта GDELT можно уверенно оспорить по двум линиям – по математической и по философско-исторической (или, что в данном контексте одно и то же, макросоциальной, макроисторической).

Российский математик В. Воеводский (лауреат Филдсовской премии, 2002 г.) разработал теорию ошибок, одним из практических приложений которой является теория псевдослучайных закономерностей/последовательностей с соответствующим инструментарием их распознавания. Согласно этой теории-приложению, немало из того, что представляется или что заинтересованные лица или структуры пытаются представить как случайное или хаотическое, на самом деле является скрытой формой управления (например, управление хаосом). Я бы пошёл ещё дальше и отметил, что многое из того, что представляют в качестве “объективного” (в смысле независящего от воли людей) кода событий, на самом деле является проектом, чаще всего скрытым, тайным, неких субъектов. История при таком подходе рассматривается под субъектным, проектно-конструкторским углом зрения**. Кроме того, как мне уже приходилось писать, история России принципиально отличается от истории Запада и Востока наличием автосубъектной, т. е. минимально (по сравнению с западными и восточными формами) ограничиваемой в институционально-системном плане властью. С точки зрения Востока и Запада развитие социума с такой властью в качестве системообразующего субъекта будет казаться произволом и набором случайностей. В реальности же мы имеем дело с особым потоком исторического развития. Чтобы выявить его логику, имманентную, а не навязанную ему внеположенную логику иных систем, сквозь призму которой и которых он будет казаться неким отклонением, можно пойти более простым путём, чем математический анализ псевдослучайностей, и рассмотреть долгосрочную историю Большой Системы “Россия” сквозь

* Я благодарен С. В. Кугушеву, обратившему моё внимание на проект GDELT и ознакомившему меня с основными аспектами его содержания.

** Подр. см.: Фурсов А. И. *De Conspiratione: Капитализм как Заговор // De Conspiratione / О Заговоре. Сборник монографий.* М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 7–143, особенно с. 69–109.

призму всего двух (не надо нам Больших Данных — лиса знает много, а ёж знает главное, как говорил Архилох) важнейших параметров — власти и собственности. Именно они позволяют выявить тенденции развития системы и её системообразующих факторов — власти и господствующих групп (“классов”).

V

Специфика господствующих групп дореволюционного русского общества, будь то боярство или дворянство, заключалась в том, что они были созданы самой властью, вырастали под её “зонтиком”. Именно служба (т. е. власть-привластность), а не собственность была фактором, который в решающей степени определял положение представителя господствующей группы и его статус. Иными словами, до революции господствующие группы были функциональными органами власти, поднимавшимися и приходившими в упадок с этой властью — самодержавием, которое, не будучи ни монархией, ни деспотией, не имело аналогов. Что касается советской номенклатуры, то эта господствующая группа не была создана властью, а возникла как власть, как феномен, в котором власть и господствующая группа, “метафизика” и “физика” совпали.

Сравним господствующие группы основных структур русской истории:

- Московское царство;
- Петербургская империя;
- пореформенная позднесамодержавная Россия, которая в одном измерении является процессом-продуктом разложения Петербургского самодержавия, а в другом — это отдельная и особая структура — так же как постсоветская РФ по отношению к СССР;
- СССР.

Соответственно, господствующие группы — это боярство, дворянство, пореформенное чиновничество и номенклатура. При сравнении их по линии власти мы получаем следующую картину: каждая последующая господствующая группа была многочисленнее предыдущей. Таким образом, в качестве долгосрочной системной тенденции мы видим, что власть “в лице” своих функциональных органов разбухала, охватывала всё большее социальное пространство. Численность (абсолютная и относительная) властно-привластных слоёв росла от одной структуры русской истории к другой. РФ ни в коем случае не нарушает эту логику, а подтверждает и полностью укладывается в неё. И дело не только в резком, в три раза увеличении пропорции численности чиновников по отношению к численности населения и в том, что их власть имеет значительно меньше ограничений, чем в советское время, нередко демонстрируя черты сословности. Дело в том, что власть расширила своё социальное пространство, включив в себя, с одной стороны, криминал, с другой, — как минимум, функционально — иностранный капитал.

А вот при сравнении по линии собственности мы видим, что в целом и среднем каждая последующая группа обладала меньшей собственностью, а следовательно, была беднее, чем стадияльно предшествующие ей господа: дворянство имело меньше собственности на вещественные (неодушевлённые и одушевлённые — земля и крепостные) факторы производства, чем боярство; чиновничество пореформенной, т. е. самодержавно-посткрепостнической России — меньше, чем дворянство (до 40% этой группы вообще были “салариатами”). Наконец, номенклатура — это вообще господствующая группа принципиально без собственности на вещественные факторы производства, т. е. на землю, на капитал, так как система, в которой они были господствующей группой, именно такой тип собственности отрицала — на том и строилась.

Следовательно, долгосрочная системная логика здесь заключается в постепенном освобождении, эмансипации власти от собственности. В этом плане номенклатура есть доведение указанной логики до своего конца, и в данном случае неважно, что для обеспечения **логической преемственности** понадобился **исторический разрыв** в виде Октябрьской революции, которая, как заметил В. В. Крылов, была очищением власти от привесков собственности. Но мы забежали вперёд, в послереволюционную эпоху, когда “просперо” и “тибулы” превратились в Новых Толстяков. Сейчас нам важнее взглянуть на предреволюционную эпоху, на время Старых Толстяков и его противоречия, которые подвели Россию к такой черте, что она чуть не поле-

тела к чертям. Противоречий этих было три. Вообще любая система, чтобы оформиться, должна диалектически снять противоречия предшествующей системы. Кроме того, должен существовать субъект слома старой системы и создания новой. Какие противоречия должна была снять новая послесамодержавная структура русской истории, чтобы состояться?

Первое вытекало из двух долгосрочных тенденций, о которых речь шла выше. Это противоречие обострялось тем, что со второй половины XIX в., после того как в результате Крымской войны Россия окончательно перестала быть самостоятельной мир-системой и начала в плане экономики превращаться в полупериферию мировой капсистемы, в стране начинает развиваться деформированный, порой до уродства, капитализм с немалым числом очагов собственности на вещественные факторы производства, т. е. рядом с тенденцией эмансипации власти от собственности, с “волей к бессобственнической власти” начинают развиваться очаги собственности капиталистического типа. И это развитие объективно вступало в острое противоречие с логикой развития власти. Данное противоречие могло разрешиться двояко: либо новые очаги собственности, с которыми, кстати, была тесно связана олигархизирующаяся верхушка империи, должны были быть ликвидированы — сверху ли, снизу ли, но ликвидированы (как писал в дневнике в начале XX в. Лев Толстой, ему приснился сон: в России произошла революция — не против частной собственности, против собственности вообще; прав оказался Толстой, не зря Ленин назвал его “зеркалом русской революции”); либо очаги капитализма должны были сложиться в единую систему, подобно “черепашкам Каллахэна” из рассказа Стивена Барра, превратившихся в чудовищную агрессивную Суперчерепаху и задавить власть, превратив ее полностью в олигархическую, в свою функцию, функцию капитала-субстанции, причём главным образом не российский, а западного.

Новая система должна была снять указанное противоречие.

Второе противоречие заключается в следующем. Для России, как показала школа Л. В. Милова, было характерно создание небольшого по объему совокупного общественного продукта, поэтому у нас любая, как сказал бы А. А. Зиновьев, западнизация вела и ведёт к тому, что господствующий слой начинает жить не по тем потребностям, которые могла (может) обеспечить русская “система работ”, а по потребностям иной системы — западной, в основе которой лежало сельское хозяйство с намного более высокой урожайностью, а с XVIII в. — ещё и грабёж слабых мира сего в Азии, Африке и Америке. Чтобы русскому дворянству при русском сельском хозяйстве и отсутствии колоний жить по таким потребностям, ему нужно было отчуждать у населения, выражаясь марксистским языком, не только прибавочный продукт, но и определённую, порой немалую часть необходимого продукта. Неудивительно, что во второй половине XVIII века, когда произошла эта “революция потребностей”, уровень эксплуатации населения в России как государственных крестьян, так и крепостных увеличился в 3–3,5 раза. Продолжал он расти и в XIX веке.

В результате, с одной стороны, рос уровень эксплуатации, а с другой стороны, с середины XIX века русская власть начала нарушать одно из главных своих правил. Суть в следующем. Поскольку совокупный общественный продукт в России создавался небольшой, то одной из главных задач русской власти было контролировать и ограничивать потребление верхов. Не потому, что власть не любила верхи и любила низы, а просто при низком уровне совокупного общественного продукта нарушение баланса в эксплуатации вело к очень серьезным напряжениям и трудностям как в отношениях верхов и низов, так и внутри самих верхов. В связи с этим почти всю свою историю русская власть занималась тем, что Ленин называл “учет и контроль”. Нарушила она это правило только дважды. Первый раз, начиная с 1860-х годов, когда власть вместе с господствующим классом начала грабить население, что и привело к революции в начале XX в., а второй раз в 1990-е годы.

Итак, второе противоречие самодержавной системы, которое должно было быть устранено, — это противоречие между реальными возможностями местной системы работ и превышающим ее возможности потреблением верхов. Устранено оно могло быть тоже двояко: либо усиливается эксплуатация, либо эксплуатация уменьшается, и верхи, их потребление приводится в соответствие с тем, что Маркс назвал бы “системой работ данного общества”, т. е. ставится под контроль сверху и снизу одновременно.

Ну и, наконец, **третье противоречие**: сырьевая специализация России в конце XIX века и сохранение великодержавного статуса. Либо Россия – великая держава, либо она – сырьевой придаток, который находится в финансовой зависимости от Запада. Это противоречие тоже должно было быть разрешено.

Как мы видим, первое противоречие носит внутренний характер, третье – внешний, а второе – внутренний и внешний одновременно. Внутренние противоречия при этом упирались в ключевой аграрно-крестьянский вопрос, а внешние противоречия – в противоречия России и Великобритании.

Февраль и Октябрь 1917 г. представляют собой две принципиально различные и разнонаправленные попытки решить, снять указанные противоречия. Февралисты – это попытка установить власть капитала, предполагающая усиление эксплуатации населения, в том числе в интересах иностранного капитала, в первую очередь британского; отсюда, как следствие, усиление зависимости России от Великобритании. По сути это попытка обмануть русскую историю. Октябрь (по своим долгосрочным и идеальным целям) – это воля к свержению отжившего и неадекватного русской и мировой истории самодержавия, власти капитала, к отмене эксплуатации и созданию суверенной, независимой от капиталистического Запада новой постсамодержавной формы исторической России. Однако Февраль и Октябрь 1917 г. были впереди той эпохи, в которой вывели указанные противоречия. Они стали тем непрекрасным далёким, которое оказалось крайне жестоким к стране и её народу. Само же наличие противоречий, сколь бы острыми они ни были, не делало революцию неизбежной. Если бы одних системных противоречий и факторов (как правило, их ошибочно называют “объективными”) было достаточно для революции, то весь мир находился бы в постоянно негаснущем – к радости двух теоретиков перманентной революции, Парвуса и Троцкого – революционном огне. Однако кроме системных факторов необходимы субъектные (как правило, их ошибочно называют “субъективными”), т. е. наличие субъектов, способных осуществить альтернативный системный выбор, наличие силы, способной стать субъектом стратегического действия.

В начале XX в. таких субъектов в России не было. Точнее, они находились в спящем состоянии. Империя находилась в дурном, патовом равновесии сил: дворянство уравнивалось буржуазией; классы – властью самодержавного центра; вместе они уравнивали население – и это при стремительно нарастающих проблемах социального и экономического характера. Мировая война сломала патовую ситуацию; она не только разбудила “спящих субъектов”, высвободив их силы, но и расчистила для них площадку, пространство. Пружина разжалась, и процессы пошли с нарастающей скоростью – одновременно и к Февралю, и к Октябрю. Что не менее важно, в условиях войны на русской площадке помимо своих субъектов появились чужие – западные. Они вступили в определённые отношения с субъектами внутри страны, в результате чего начали оформляться международные (русско-западные) классовые коалиции, двойные (внутренне-внешние) субъекты (субъекты с двойной массой), нацеленные на свержение самодержавия, а затем – на борьбу за контроль над Россией. Таких тактических коалиций, двойных субъектов со временем возникло аж три.

VI

В дискуссиях о причинах революций можно выделить несколько линий. Ограничусь двумя. Одна – противостояние сторонников примата структурных факторов, с одной стороны, и свободного волевого действия, с другой. В англосаксонской литературе эта контроверза звучит как “structure versus agency”. Другая линия не менее жарких споров – акцентирование либо внутренних, либо внешних факторов. Многие исследователи пытаются найти решение по принципу “золотой середины” – якобы истина лежит посередине. На самом деле, прав был Гёте, считавший, что между двумя противоположными точками зрения лежит не истина, а проблема. Проблема, добавлю я, которую спорящие стороны не могут решить, нередко – потому что не видят проблему. В такой ситуации поиски середины превращаются в пошлый многофакторный анализ, подменяющий целое суммой, динамику – статикой, а причинно-следственную связь – перечнем рядоположенных условий (факторов),

причём чаще всего без указания на их системные связи и субординацию. Теория при таком подходе умирает, место теоретического обобщения занимает эмпирическое, научные факты подменяются эмпирическими, а само исследование покидает пределы зоны научности.

Если говорить о контроверзе “structure versus agency”, то здесь такая же ситуация, как с так называемыми объективными противоречиями: если бы структурных обстоятельств было достаточно для того, чтобы вспыхнули революции, последние были бы предсказуемым и довольно частым, если не постоянным, явлением. Это, однако, не так. Есть проблемы и в определении роли низов (“масс”) в “старте” революций. Формально-идеологически марксистская традиция исходила из примата действия масс. Однако учение Ленина о “партии нового типа”, “партии профессиональных революционеров” и его практическая реализация в виде большевистской партии недвусмысленно указывают на элитистско-организационный подход. Тезис Ленина “дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию” говорит сам за себя. Большевики обосновывали своё право руководить массами (которые, согласно Ленину, без руководства со стороны партии способны только на борьбу за улучшение экономических условий) тем, что знают законы истории, т. е. монопольно владеют истинным знанием, оседлали их – потому-то и могут вести массы. Массы ведомы профессиональными партийными кадрами. Лозунг Сталина “кадры решают всё!” из той же серии.

Чего по понятным причинам не касались открыто марксисты в своих схемах – это роли в революции части правящей элиты. Без перехода на сторону руководящей массами контрэлиты части правящей элиты ни одна революция не свершалась. Это подтверждает история всех крупных революций, пожалуй, ярче всего – Французской 1789–1799 гг. Как заметил в середине XIX в. автор до сих пор одной из лучших историй этой революции И. Тэн, экономическое положение Франции в конце правления Людовика XIV (начало XVII в.) и в середине XVIII в. (правление Людовика XV) было много хуже, чем таковое в 1780-е годы при Людовике XVI. В результате народ постоянно бунтовал, но никакой революции не произошло.

В конце 1780-х годов значительная часть французской элиты, в том числе правящей, стремилась к ослаблению монархии – и революция произошла. Разумеется, без движения низов, масс, по крайней мере, в столице и/или крупнейших городах, революции тоже не происходят – дело ограничивается успешным или неудачным дворцовым (политическим) переворотом. Революция – это соединение воли, целей и интересов “улицы” в лице её вожаков (контрэлиты) и части элиты; неважно, что соединение это краткосрочно, что в ходе революции либо одних, либо других устраняют – от того, кто устраняет кого, зависит степень радикальности/умеренности революции, которая довольно часто, как заметил Энгельс, забегают вперёд, чтобы при неизбежном откате последний не оказался слишком большим.

На короткий миг истории вожаки контрэлиты и играющие вместе с ними представители “Старого порядка” как группа, совершающая революцию, выступают – Маркс и Энгельс специально подчёркивали это в “Немецкой идеологии” – не как представители неких классов, не с узкоклассовых позиций, а как представители всего общества. Эта “всеобщность” связана с тем, что интерес совершающего революцию субъекта по логике борьбы до поры более или менее связан с интересами всех остальных негосподствующих классов. “На полях” авторы “Немецкой идеологии” помечают: “Всеобщность (о которой речь шла выше. – **А. Ф.**) соответствует: 1) классу contra (против) сословие, 2) конкуренции, мировым сношениям и т. д., 3) большой численности господствующего класса (а следовательно, большой массы его низов, недовольных своим положением. – **А. Ф.**), 4) иллюзии общих интересов. В начале эта иллюзия правдива, 5) самообману идеологов (подч. мной. – **А. Ф.**) и разделению труда”^{*}.

Самообман, или, как сказал бы вслед за Энгельсом К. Мангейм, “ложное сознание” в его тотальном, а не частном варианте, таким образом, обусловлен реальностью. Она и порождает “двойного субъекта” (“субъекта двойной массы”), представленного контрэлитой и частью элиты. Двойственность

^{*} Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 47.

революционного субъекта – это именно то, что превращает, отликает структурные проблемы в субъект волевого (революционного) действия, а этому субъекту придаёт качество персонификатора основных структурных противоречий общества. Революция – это всегда субъектное действие, направленное на преодоление системности (“праздник Истории”). Революция – субъектный акт по определению, она невозможна без революционного субъекта, который ни в коем случае нельзя отождествлять с так называемым “субъективным фактором”.

Само противопоставление неких факторов, будь то революция или вообще история, как “объективных” и “субъективных”, к которым по традиции относят партии или просто организации революционеров, ошибочно. Неверно противопоставлять “социально-экономические предпосылки” как объективные действиям людей и организаций, особенно целенаправленным и подкрепленным мощным ресурсом, как **субъективным**. Во-первых, организации и структуры, их интересы, цели и действия столь же объективны, как и так называемые “социально-экономические предпосылки”. Кстати, последние сами по себе не являются силами, они – условия.

Во-вторых, само противопоставление в нашей научной и идеологической “литературе” о революциях неких факторов/сил как “объективных” и “субъективных”, которое закрепилось с легкой руки не случайно имевшего “четверку” по логике В. И. Ленина, – ошибочно. Ленин называл субъективным то, что на самом деле является субъектным. “Субъективный” означает нечто обусловленное внутренним переживанием субъектом самого себя, его знанием, соотносящимся с объектом. Соответственно, субъективный фактор – это действия в соответствии с этим знанием и переживанием. А как быть с классовым интересом? Это – субъективное или объективное? Как быть с организациями, выражающими эти классовые интересы? Если некая сила воплощает в концентрированном виде долгосрочные и целостные характеристики класса или системы, представляет их, действует на их основе – это не объективный фактор? Что же тогда объективный?

На самом деле речь должна идти не об объективных факторах, а о **системных и субъектных** – и те, и другие объективны, но при этом один из аспектов субъектного фактора – субъективный. Субъектный фактор представляет собой целенаправленную деятельность субъекта по достижению своих целей, реализации планов и интересов на основе учета, контроля и управления социально-историческим процессом, а с определенного времени – на основе проектирования и конструирования этого процесса. Последнее невозможно без знания системных законов истории, которые становятся законами действия субъекта.

Новоевропейская наука об обществе была системоцентричной. Попытка Маркса разработать теорию исторического субъекта и превратить ее в науку успехом не увенчалась*. Впоследствии эта линия теории Маркса продолжения не нашла – субъектное было сведено к субъективному, приобретает характеристики чего-то второстепенного. В результате из поля зрения исчезли очень важные агенты исторического изменения, а сами эти изменения стали изображаться как филиация одной системы из другой, одного комплекса “объективных факторов” из другого. В результате из истории исчез субъект как ее творец. Одна из главных задач нынешнего этапа развития знания об обществе – не просто вернуть субъекта, но разработать субъектоцентричную науку и, синтезировав ее с системоцентричной, создать полноценную, многомерную субъектно-системную науку об обществе. Изучение революций – именно та сфера, которая особенно способствует анализу субъектности и в то же время невозможна без такого анализа. Причём речь должна идти именно о двойственном субъекте революции, причём не только по линии дихотомии “structure versus agens”, но в не меньшей, а возможно, и в большей степени по линии “внутреннее – внешнее”.

Ясно, что без внутренних причин (условий, предпосылок) ни одна революция не происходит. Однако здесь необходимо обратить внимание на два

* Подробнее см.: Фурсов А. И. “Биг Чарли”, или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. 1, № 2. С. 335–429; Fursov A. Social Times, Social Spaces, and Their Dilemmas: Ideology “In One Country” // Review. Fernand Braudel Center, Binghamton (N. Y.), 1997. Vol. XX, № 3/4. P. 345–420.

момента. Во-первых, революции суть явления капиталистической эпохи, а капитализм в экономическом плане – единая мировая система, не признающая границ, товарные цепи их рассекают. Капитализм и возникает как система международного, надгосударственного взаимодействия. Ясно также, что гегемон мировой капсистемы (Нидерланды в XVII в., Великобритания в XIX в., США во второй половине XX – начале XXI в.) своей деятельностью существенно ограничивает суверенитет даже независимых государств, не говоря о государствах зависимых. Точнее в этом плане говорить даже не о гегемоне, а о ядре капсистемы в целом по отношению к периферии и даже к полупериферии. Я уже не говорю о закрытых наднациональных структурах мирового согласования и управления, существование которых обусловлено тем, что они призваны снять базовое противоречие капсистемы между целостно-мировым характером экономики и суммарно-государственным – политики и без которых существование капсистемы невозможно (они воплощают и реализуют целостные и долгосрочные интересы её системообразующего элемента – верхушки мирового капиталистического класса). Таким образом, сама природа капитализма делает границу между внутренними и внешними факторами не столь отчётливой, как в иных социальных системах и как это выглядит на поверхности самого капитализма, внешне организованного в виде системы национальных государств. Причём с развитием капитализма, его эволюцией эта граница становится всё более пунктирной и размытой – особенно в XX в. по мере формирования североатлантического класса и элитного взаимодействия между Западом и СССР.

Это одна сторона диалектики внутреннего и внешнего в революциях, связанная с капитализмом. Есть и другая, она связана с самой революцией как кризисным, хаотическим процессом развития общества.

Предреволюционная, кризисная ситуация воздействует на систему по двум направлениям. Во-первых, кризис – это разбалансировка системы, а в слабо сбалансированной системе, как правило, нарастают колебательно-хаотические процессы. Во-вторых, хаотизация системы приоткрывает, а иногда просто открывает её для внешнего воздействия. На практике этот эффект усиливается тем, что, как правило, власти пытаются решить проблемы путём реформ с привлечением внешних источников, а следовательно – внешних сил. В этом же направлении действует война. В результате система обретает сверхнормальную, избыточную открытость, которая не контролируется самой данной системой, вследствие чего она начинает развиваться не только, а порой и не столько по собственным закономерностям, сколько по внешним. Внешняя сила сначала становится “посторонним притягивающим фактором”, а затем, интериоризируясь, перестаёт быть внешним, превращается если и не полностью во внутренний, то по крайней мере во внутренне-внешний. И, как замечает О. Маркеев, “происходит мощное вторжение в систему извне, совершенно чуждая системе сила использует её как поле для самореализации”.

Этот “эффект Чужого” очень важен. Под его воздействием в системе начинают происходить события и процессы или возникать явления, вероятность которых для данной системы в её чистом виде крайне мала, а потому внутреннему наблюдателю они кажутся случайными, на самом деле таковыми не являясь. Однако даже если бы это было так, то, согласно теории Бромли (Bromley), любое явление, чья вероятность весьма мала, возникнув, порождает цепочку явлений одной с ним природы, расшатывая таким образом систему. Если же вдобавок мы имеем дело с явлениями, наведёнными внутренне-внешними факторами, то мы рискуем столкнуться с нарастающей невероятностью событий, тем более что внешне-внутреннее действие материализуется в виде двойного субъекта – внутренне-внешнего. Здесь уместно вспомнить теорию псевдослучайностей. Ну а теперь от теории истории перейдём к практике истории – к революции 1917 г. в России.

(Окончание в следующем номере)